

Н. Я. ЗАЙЦЕВ

КРИТИКА В. И. ЛЕНИНЫМ ПРИНЦИПА РЕЛЯТИВИЗМА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ

В осуществлении задач идеологической работы, поставленных июньским (1983) Пленумом ЦК КПСС, первостепенное значение отводится «глубокому усвоению учения Маркса, Энгельса, Ленина, дающего ключ к постижению и решению сложнейших проблем общественного развития». Особенно важное значение имеют принципы марксистско-ленинской методологии для критики современной буржуазной идеологии, которая «предпринимает все более массивные, беспрецедентные по своему размаху атаки на наш общественный строй, марксистско-ленинскую идеологию»¹. В своих трудах классики марксизма-ленинизма дали образцы бескомпромиссного отношения новой пролетарской идеологии к буржуазной и ее сердцевине — философии. Ярким примером такого отношения является критика В. И. Лениным идеалистического принципа буржуазной гносеологии — релятивизма, получившего новый всплеск в 60-е годы XX века.

В работе «Материализм и эмпириокритицизм», 75-летие выхода в свет которой отмечается в этом году, и в «Философских тетрадах» В. И. Ленин глубоко и всесторонне раскрыл противоположность диалектического и релятивистского методов, который махистами был положен в основу понимания материи, пространства, времени, истины, практики. Он также вскрыл гносеологические корни релятивизма, приводящего к агностицизму. Так, например, если материалистическая диалектика представляет процесс познания как единство абсолютного и относительного, непреходящего и преходящего, «определенного и неопределенного» знания, то сторонники релятивизма прямолинейно, односторонне и субъективистски трактуют процесс познания и истину, раздувают момент относительности в познании. Характеризуя буржуазную гносеологию в целом, В. И. Ленин отмечал ее главный недостаток — односторонность.

Односторонний подход к познанию характерен как для идеализма, так и для метафизического материализма. Это хорошо видно из критики Энгельсом «абсолютной идеи» Гегеля, «вечных истин в последних инстанциях» Дюринга, а также из его упреков в адрес метафизических материалистов, которые продемонстрировали «непонимание относительности всех научных теорий, незнание диалектики, преувеличение механической точки зрения»².

Неспособность буржуазной гносеологии понять процесс познания в совокупности всех его «составных частей» зримо проявилась на рубеже XIX и XX веков в связи с философским осмыслением революции в физике. Находясь на идеалистических позициях и будучи не в силах правильно понять соотношение диалектики и релятивизма, некоторые философы и ученые (Мах, Петцольдт, Авенариус) стали развивать идеи об относительности знания, о полной его условности (Пуанкаре), о временности и относительности законов физики и символизации понятий и гипотез (Дюгем), отрицали преемственность знания и т. д.

Что способствовало формированию релятивистского взгляда на познание? Ответ на этот вопрос содержится в работах Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Так, Ф. Энгельс, определяя соотношение истины и заблуждения, указывал на наличие границ, в которых они «имеют абсолютное значение».

Отказ от учета этих границ, т. е. конкретных условий, сопутствующих истине, делает «противоположность истины и заблуждения относительной (релятивной)»³. В. И. Ленин причины релятивизма видел в прямолинейности и односторонности, субъективизме и субъективной слепоте. (29, 322). Как раз «Мах, — замечал В. И. Ленин, — именно на этом... свихнулся, не поняв, или не зная, соотношения между релятивизмом и диалектикой» (18, 41). Не случайно Мах и другие эмпириокритики строят «гносеологическую теорию времени и пространства на принципе релятивизма» (18, 184).

Русские махисты во главе с Богдановым также не смогли разрешить вопрос о соотношении релятивизма и диалектики. В. И. Ленин показывает, что если для диалектика Энгельса «из относительных истин складывается абсолютная истина», то для релятивиста Богданова «признание относительности наших знаний исключает самое малейшее допущение абсолютной истины» (18, 136), в то время как «для объективной диалектики, — заключает Ленин, — в релятивизме есть абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное» (29, 317).

Критикуя махизм, В. И. Ленин показал, что главная опасность идеалистического принципа релятивизма таится в отрицании его сторонниками объективности истины, момента абсолютного в ее содержании как в сфере социальной, так и естественнонаучной. Так, например, в социальной сфере принцип релятивизма был положен в основу ревизионизма теории и практики социал-демократических партий, стоящих на позициях марксизма. Усилия релятивистов-ревизионистов сводились к тому, чтобы доказать, что в условиях стабилизации капитализма, т. е. при новых общественных отношениях, должен измениться марксизм, так как абсолютной истины нет, всякая истина верна только для своего времени.

В области естествознания в связи с ломкой старых представлений о материи, пространстве, времени, движении и т. д. физические идеалисты (релятивисты) пришли к убеждению, что «все старые истины физики, вплоть до считавшихся бесспорными и неизблемыми, оказываются относительными истинами, — значит, никакой объективной истины, не зависящей от человеческого, «быть не может» (18, 328).

Таким образом, положить в основу теории познания релятивизм, как это делают Мах, Авенариус, Петцольдт, Пуанкаре, Дюгем, Богданов и другие русские махисты, «значит неизбежно осудить себя либо на абсолютный скептицизм, агностицизм и софистику, либо на субъективизм. Релятивизм, как основа теории познания, есть не только признание относительности наших знаний, но и отрицание какой бы то ни было объективной, независимо от человечества существующей, мерки или модели, к которой приближается наше относительное познание» (18, 139). Ленин называет такой релятивизм «голым». Такой релятивизм во взглядах на материю приводит к ее «исчезновению», во взглядах на пространство и время — к отрицанию их объективности и т. д.

В заключение критики «голого» релятивизма махистов В. И. Ленин замечает, что «единственная теоретически правильная постановка вопроса о релятивизме дается материалистической диалектикой Маркса и Энгельса» (18, 327), что только диалектический материализм сумел правильно разрешить вопрос соотношения «составных частей» диалектики процесса познания, которая «включает в себя момент релятивизма, отрицания, скептицизма, но не сводится к релятивизму. Материалистическая диалектика Маркса и Энгельса безусловно включает в себя релятивизм, но не сводится к нему, т. е. признает относительность наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине» (18, 139).

Таким образом, абсолютная истина, по Энгельсу и Ленину, есть сумма истин относительных. Границы между абсолютным и относительным в познании подвижны, «будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания» (18, 137).

В 60-х годах XX века в западной философии происходит оживление идей релятивизма, что характерно для так называемого «исторического» направления современной буржуазной философской науки, представителями которого являются американские ученые Кун, Фейерабенд, Лакатос. История науки, по Куну, это чередование господствующих на определенном этапе некоторых моделей, методологических норм, стандартов, мировоззренческих установок или, как он их называет, «парадигм», принятых

путем конвенции тем или иным «научным сообществом». Наличие той или иной парадигмы есть результат конкурентной борьбы «научных обществ». Господство той или иной парадигмы означает переход к устойчивой «нормальной науке», который заканчивается взрывом. После взрыва наступает кризис или «революционный период» в науке, когда создаются новые парадигмы. Научные революции — это смена парадигм, которая есть нечто более значительное и рациональное, чем смена научных теорий. Куи доказывает, что новая парадигма подобна вспышке молнии, которая позволяет по-новому взглянуть на мир⁴. В действительности, смена парадигм или революция в науке, в интерпретации Куна, — это перерыв в процессе развития науки, отказ от принципов преемственности, соответствия, объективности знания.

Другой американский науковед, Фейерабенд, довел релятивизм Куна до апогея, объявив: «все преходяще». По его взглядам, любая теория может быть опровергнута. В противоположность диалектическому материализму, который признает преемственность научных теорий, сторонники современного релятивизма пытаются доказать, что научные революции производят такой глубокий переворот во взглядах ученых, что бесполезно говорить о преемственности между старыми и новыми теориями. Последние не только качественно различны, но просто несоизмеримы⁵. Несмотря на это некоторые советские философы, сопоставляя взгляды постпозитивистов с концепциями позитивистов первой половины нынешнего века, находят в их работах положительные моменты. Так, например, Э. Чудинов видит «определенную ценность куповского понятия парадигмы», хотя отмечает, что концепция научных революций как смены парадигм мало что вносит позитивного в понимание сущности научных революций⁶.

А. П. Огурцов заявляет, что «введенное Куном в историографию науки понятие «парадигма» весьма близко по своему содержанию понятию «идеал научности». Он же отдает дань вкладу Куна и других представителей современной буржуазной историографии науки, которые своим «обращением к анализу парадигмальных процессов в науке сделали существенный сдвиг в теории и историографии науки. Благодаря этому позитивному сдвигу историография науки обратилась к изучению когнитивных и социальных процессов в их единстве, к механизму выработки специфических норм, моделей, принимаемых в качестве образцов научной работы, к осознанию нормативного характера ряда когнитивных структур. Результаты исследовательской деятельности благодаря такому подходу понимаются уже как концептуальные, инструментальные и методологические предписания и для членов научного сообщества, и для более широкой социокультурной среды⁷. Если согласиться с такой оценкой вклада Куна в теорию науки, то надо признать, что до Куна вся исследовательская и познавательная деятельность ученых протекала стихийно, вне основополагающих принципов и категорий. А как же быть с принципами и категориями теории познания, разработанными Марксом, Энгельсом, Лениным? А что касается парадигмы Куна, то, на наш взгляд, ее релятивистская природа и «инструментальные» и методологические предписания», выработанные на ее основе, подобно махистским ситуациям, как замечал В. И. Ленин, — ни к чему иному, кроме субъективного идеализма, привести не могут. В самом деле, как может стать идеалом научности парадигма, которая базируется на релятивистской основе, отрицает поступательность и преемственность развития знания, идеи объективной истины, столкновывая их с точки зрения «научного сообщества»? Из истории науки и философии хорошо известно, что такой подход заканчивается идеализмом.

Прав, на наш взгляд, академик П. Н. Федосеев, утверждая, что «для многих современных «науковедов», «знакоков» классического позитивизма первой половины нашего столетия, постпозитивистские доктрины, которые ориентируются на учет целостности знания, его историзма, взаимосвязей философского и научного познания... представляются чуть ли не «коперниковским» переворотом в философии и методологии науки. На самом же деле, если постпозитивистские доктрины рассматривать в более широком историческом и философско-мировоззренческом контексте... с учетом магистральной линии развития философско-методологических исследований... то не трудно заметить, что они не представляют какой-либо принципиально новой самостоятельной ориентации. Все те подходы, которые только пытаются, как правило, непоследовательно и односторонне реализовать в методологическом анализе «историческое направление», и

другие были всегда органически присущи марксистскому способу анализа научного знания и ныне получили дальнейшее развитие»⁸. Поэтому «глубоко заблуждался бы тот, кто бы надеялся заимствовать нечто для себя полезное из буржуазной идеологии»⁹.

Характерно, что многие советские авторы, анализирующие работы Куна, Фейерабенда и других постпозитивистов, касающихся идеалов, норм и оснований науки, свои доказательства строят без ссылок на теорию отражения диалектического материализма, не учитывают критику В. И. Ленинским релятивизма и субъективизма, игнорируют принципы воинствующего материализма, опираясь лишь на формально-логические рассуждения.

В условиях современного обострения идеологической борьбы на международной арене особенно актуально и веско звучат ленинские слова о необходимости открытой, последовательной, бескомпромиссной борьбы против любых форм буржуазного мирозерцания, против любых уступок ему. Геннальные идеи В. И. Ленина о сущности релятивизма, агностицизма и субъективизма Маха, Авенариуса, Дюгема, Богданова и других идеалистов, его критика этих течений являются образцом партийности, имеют непреходящее значение. Только они являются единственно верной мировоззренческой и методологической основой для понимания сущности современной буржуазной философии и ее разновидности — релятивизма.

¹ Материалы июньского (1983) Пленума ЦК КПСС.— М., 1983, с. 71, 29.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 329. Другие цитаты из Полн. собр. соч. и ссылки на него даются в тексте статьи с указанием в скобках тома и страницы.

³ Маркс К и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 92.

⁴ См.: Чудинов Э. Природа научной истины.— М., 1977, с. 276.

⁵ См.: Философские науки, 1978, № 5, с. 37.

⁶ См.: Чудинов Э. Указ. работа, с. 276.

⁷ Идеалы и нормы научного исследования.— Минск, 1982, с. 73.

⁸ Федосеев П. М. Философия и научное познание.— М., 1983, с. 52.

⁹ Косолапов Р. И. Силой разума и чувства.— ЛГ, 1984, № 5, 10 февраля, с. 2.

А. С. КЛЕВЧЕНЯ

У ИСТОКОВ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ (Кирилл Туровский)

Исследование культуры прошлого имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Оно способствует более глубокому осмыслению закономерностей и определению перспектив развития культуры настоящего и будущего. Особенно это важно для мыслителей переломных эпох, стоящих у истоков развития культур близких и родственных народов: русского, украинского и белорусского. К таким представителям культуры прошлого и принадлежит Кирилл Туровский (1130—1182). Он родился в Турове, центре княжества, в семье состоятельных горожан. Сведений о жизни и деятельности мыслителя сохранилось немного. Однако известно, что учился он в Турове и, возможно, в Киеве. Полагают, что в Турове его учителем был образованный грек. Это предположение вполне вероятно, так как женой туровского князя Святополка Изяславовича (1087—1113) была гречанка Варвара, которая и пригласила образованных соотечественников для работы в княжестве. Впоследствии греки занимали епископские кафедры в Полоцке, Смоленске и других городах.

Кирилл Туровский обнаружил незаурядные способности к образованию и вскоре стал известным не только в городе, но и во всем княжестве. По настоянию туровского князя он становится епископом, поступает в монастырь, но и там продолжает свое образование.

Исследователи отмечают всестороннюю образованность Кирилла Туровского, незаурядный ораторский талант, считают его выдающимся мастером «торжественного» красноречия, публицистом и даже поэтом. «Уже современники по достоинству оценили, — пишет И. П. Еремин. — высокое мастерство Кирилла Туровского. «Златоуст, паче всех воссиявший нам на Руси, — писал о нем древний биограф. Очень рано речи Кирилла Туровского были включены в состав «Златоуста» и «Торжественника» — сборников-антологий и переписывались наряду с речами знаменитейших, наиболее ценных в старину греческих мастеров ораторского слова»¹.